

были полностью забиты ранеными. Были тогда, в конце войны и в послевоенные годы, популярны, и почти всегда исполняемые на концертах художественной самодеятельности, физкультурные пирамиды: «Мы шли под марш баяна, выстраивались полукругом и тут демонстрировали свои спортивные навыки, показывали разные упражнения: мостик, шпагат, ласточку. А в самом конце выстраивали такую фигуру - «пирамиду», и я, как самая маленькая, залазила на самый верх и громко и выразительно выкрикивала: «Да здравствует наш дорогой и любимый вождь, отец и учитель Иосиф Виссарионович Сталин!».

Под марш и аплодисменты костылей, палок, стука ног и хлопки руками, у кого они были (но в моей памяти — все руки у наших зрителей были в гипсе, перевязаны и подвешены до шеи на чем-нибудь), мы уходили!».

Поколение людей, детство которых выпало на период Великой отечественной войны, вместе со всей страной пережило целую историческую эпоху: вторую половину XX века. Они стали свидетелями восстановления экономики СССР в послевоенный период и репрессий Берия. На их «век» выпало освоение целины, разоблачение культа личности Сталина и первый полет человека в космос, «застой» и перестройка, распад СССР и новая Конституция России. Но на всю жизнь их душа сохранила воспоминания о войне как о самой страшной трагедии, унесшей из жизни их близких, оставившей в сердцах страх перед всякого вида оружием, перед всяким громким звуком, похожим на звук падающей бомбы или автоматной стрельбы.

Курск в годы фашистской оккупации:

в воспоминаниях

Ветерана труда и труженика тыла

Конащенко Л. П.

Когда начинают вспоминать и писать о войне в преддверии празднования 9 Мая, то сюжетами рассказов чаще всего становятся героические поступки людей, участвовавших в великих сражениях, или в боях регионального значения. Но война эта, победу в которой мы отмечаем в 60-ый раз, не только самая великая, но и самая отечественная, потому что шла она не только на фронтах и на оккупиро-

ванной территории, но и в тылу, коснулась не только взрослых, но и детей. Тема военного детства, не отмеченного никакими значительными подвигами, очень редко звучит на страницах газет, а тем более книг. А ведь эти дети тоже воевали, и выигрывали сражения, даже если им приходилось воевать со своим страхом. И кто может сейчас с уверенностью сказать, что им их победы давались легко.

Наверное, нет, ни одной семьи, которой не коснулось бы военное лихолетье. Не избежала его и семья моей бабушки Людмилы Павловны, коренных жителей Курска. В наш город война пришла 2 ноября 1941 г., в то время моей бабушке едва исполнилась тринадцать лет. С того дня прошло много времени, но она помнит его так, как будто эти события произошли только вчера. В ее воспоминаниях то ноябрьское утро началось с грохота артиллерийских канонад, в городе шла пулеметная перестрелка. К 2 часам дня все стихло. Вдруг раздался страшный взрыв, зазвенели стекла, с шумом открылись двери. Все люди выбежали на улицу. В это время там бежали ополченцы. Они сказали, что это взорвали Барнышевский мост. Позже бабушка узнала, что во время взрыва погибла девушка из ополчения Валентина, она просто не успела перебежать на другую сторону моста. Отступающие части Советской Армии взрывали склады крупозавода, дом Красной Армии, рышковский мост. Вечером, около 17 часов появился немецкий разведывательный отряд. Его первой жертвой среди гражданского населения стала семья Расторгуевых, мать и ее 15-летний сын. Их могилы находятся у стены церкви Успения Божьей Матери.

С этого момента для семьи моей бабушки, ее старшей сестры и их мамы началась тяжелая жизнь в оккупации. Почти в каждом доме разместились солдаты и офицеры. Не избежал этой участи и дом бабушки. К ним подселили совсем молодого солдата. Бабушка помнит, что его звали Отто, и родом он был из Мюнхена. А еще она рассказывала, что он никогда не обижал их, иногда делился своим пайком, или давал марки, чтобы они смогли купить хлеба и сахара. Но это не могло спасти семью от голода, и чтобы прокормить своих родных бабушка ходила в деревню и меняла свои вещи на продукты, а когда, то немного, что удалось спасти от немцев, закончилось, она начала шить тряпичные куклы и продавать их на рынке. Эти нехитрые игрушки родители охотно покупали своим детям.

На третий день оккупации немцы забрали всех юношей в возрасте 15—16 лет и стариков, то есть тех, кто по возрасту не смог запи-